

С. Болдуин и У. Черчилль. Фото. Начало 1930-х гг.

УДК 9:327

Глубокова Н.Г.

Британская внешняя политика в Европе в период Абиссинского кризиса 1935–1936 гг.

Глубокова Надежда Геннадьевна, старший научный сотрудник Института теории и истории педагогики Российской академии образования

E-mail: nglubokova@yandex.ru; Nadezhda.Glubokova@fmc-ag.com

Статья посвящена анализу международных отношений Великобритании и европейских государств в период между двумя мировыми войнами. Рассматривается крах Версальской договорной системы и тщетные попытки английских правящих кругов сохранить «равновесие сил» в Европе, несмотря на наращивание боевой мощи и, как следствие, опасности со стороны Германии и Италии. Как поворотный момент английской дипломатии рассматривается Абиссинский кризис 1935–1936 гг.: беспомощность Лиги Наций, план Хора-Лавала как проявление умиротворения итальянского фашизма и реакция на него английских и европейских общественно-политических кругов.

Ключевые слова: британская внешняя политика, Абиссинский кризис, итало-эфиопская война, Европа между двумя мировыми войнами, умиротворение агрессоров

1935–1936 гг. стали рубежом развития как внутреннего, так и внешнеполитического курса правящих группировок Англии. В эти годы для англичан стало очевидным коренное изменение соотношения сил в Европе, которое последовало за нацистским переворотом в Германии¹. Англичане все яснее стали осознавать, что нарастающая военная мощь нацистов несет серьезную угрозу как имперским, так и национальным интересам Великобритании. Политическая линия на достижение Конвенции по разоружению не дала позитивных результатов, относительно ее перспектив английское руководство не строило никаких иллюзий.

В эти годы для англичан стало ясно, что равновесие сил в Европе, державшееся на Локарнском договорном комплексе и его гарантийной системе, практически разрушено немецким нацизмом. Это имело существенное зна-

¹ См.: Майский И.М. Воспоминания советского посла. М., 1964. Кн. 2. С. 255.

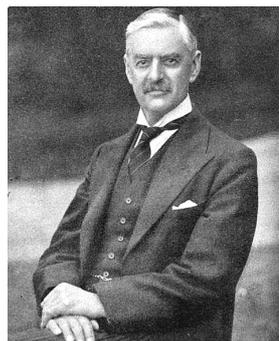
Стэнли Болдуин
(1867–1947)

Сэмюэл Хор
(1880–1959)

Джозеф Остин Чемберлен
(1863–1937)

Артур Невилл Чемберлен
(1869–1940)

Уинстон Леонард Спенсер-Черчилль (1874–1965)

Леопольд Чарлз Морис Стеннет Эмери (1873–1955)

чение для формирования внешнеполитического курса Великобритании. К середине же 1930-х гг. Великобритания, достигшая предельного взлета своего могущества, в том числе размеров своей колониальной империи, оказалась в довольно сложной военно-политической ситуации: на Дальнем Востоке ее владениям угрожала Япония, а в Европе появление сильной авиации у Германии делало саму метрополию открытой для удара с континента. Образованный еще в 1933 г. Подкомитет по нуждам обороны Комитета имперской обороны представил в марте 1934 г. английскому правительству доклад, в котором отмечалось, что Япония является основной угрозой безопасности Великобритании на текущий момент, и в то же время подчеркивалось: «Мы воспринимаем Германию как главного и очень опасного потенциального противника, против которого должна быть направлена наша долговременная оборонная политика»¹. Для защиты обширных британских владений необходимо было воплотить в жизнь серьезную программу перевооружения, требовавшую длительного времени и значительных капиталовложений. В практическом плане это означало пойти на определенные жертвы и в первую очередь – послевоенным финансовым благополучием империи, против чего неизменно возражали влиятельные финансовые круги страны.

Рост боевой мощи Германии стал оказывать сильное воздействие на социально-психологический климат Британских островов. Это нашло отражение в итогах парламентских выборов в Англии 14 ноября 1935 г. Впервые после 1924 г. британские консерваторы вернули контроль над палатой общин. За консервативных депутатов проголосовало около 10,5 миллионов избирателей, в то время как лейбористы собрали немногим более 8 миллионов голосов. Консерваторы получили абсолютное большинство в палате общин, где места распределились следующим образом: консерваторы – 387 мест (вместе со следовавшими за ними национал-лейбористами – 420 мест), лейбористы – 154 места, либералы – 21². Во главе кабинета встал один из видных лидеров консерваторов С. Болдуин, пост министра иностранных дел занял С. Хор, другой видный деятель консервативной партии, занимавший в прежнем правительстве пост министра по делам Индии и снискавший славу парламентского оратора, отстаивая перед оппозиционными критиками необходимость мер по введению частичного самоуправления в этой английской колонии.

Внутри консервативной партии создавшаяся ситуация воспринималась неоднозначно. Группа старых политиков во

главе с С. Болдуином и «бирмингемцами» – братьями Остином и Невилом Чемберленами – не могла расстаться со старым стереотипным видением Европы 1920-х гг.: им рисовалась мощь империи, незыблемое финансовое положение, лидерство в Лиге наций, а отсюда – возможность достижения компромиссного урегулирования за счет определенных уступок Германии. Другая группа, сложившаяся в это время, – так называемая «внутренняя оппозиция», лидером которой был У. Черчилль, и тяготевшая к нему группа Л. Эмери. Эти политики, так же преломлявшие свои оценки европейской ситуации через положение Империи в целом, видели ключ к безопасности Великобритании в возрождении Антанты. Они обуславливали необходимость сближения с Францией требованиями защиты метрополии, становящейся в новой ситуации тылом Империи, придерживались «жесткого» курса в отношении Германии³. Различный подход к оценке международной ситуации объясняется также боязнью консерваторов старшего поколения критики дорогостоящих программ перевооружения со стороны лейбористской оппозиции и связанной с этим возможной потери части электората. Они считали жизненно необходимым для Великобритании избежать конфликта одновременно с Японией и Германией. В качестве возможного решения внешнеполитических проблем они предлагали добиться компромиссного соглашения с Германией, прежде всего в области ограничения вооружений, соглашаясь, при необходимости, пойти ей на уступки. В качестве лимита таких уступок мыслилась возможная легализация уже достигнутого Германией уровня вооружений. Предполагалось также добиваться от Германии ее возвращения в Лигу наций как ответного шага⁴.

¹ См.: Peters A.R. Anthony Eden at the Foreign Office 1931–1938. N.-Y., 1986. P. 73–74.

² The Times (London). 20 November 1935.

³ Майский И.М. Указ. соч. С. 270.

⁴ Documents on British Foreign Policy (далее DBFP). 2nd ser. Vol. XII. L., 1979. N 359.

Расторжение Гитлером в марте 1935 г. ограничительных статей Версальского договора начисто опрокинуло все британские расчеты. «До 16 марта, – отметил НКВД СССР, внимательно наблюдавший за развитием событий на Западе, – как Франция, так и Англия считали, что в их руках один большой козырь, которым они могли бы крыть всяческие требования Германии, а именно: легализация фактического довооружения Германии до определенного уровня... Этот козырь... теперь выбит»¹.

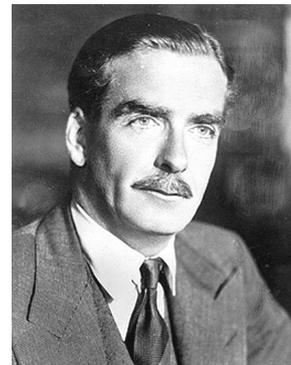
После прихода к власти Гитлера курс на «умиротворение» Германии приобрел новый качественный смысл – решался вопрос: быть или не быть войне, новый смысл приобрела политика сдерживания нацистской Германии, разорвавшей Версальский договор – Англия и Франция не имели более прежних резервов, поэтому «умиротворение» Гитлера проводилось непосредственно за счет территорий в Европе. Для Англии в этих условиях важно было заставить Францию встать на путь ревизии Версальского договора, который был основой ее существования и положения на континенте. Именно этим объясняется тот факт, что наметившееся в послелокарновскую эпоху англо-французское сближение, когда обеим державам довольно легко удавалось согласовывать общую линию в отношении Германии перестало быть доминирующей тенденцией их двусторонних отношений в 1930-е гг.

Мартовский демарш Гитлера сразу заставил активизироваться британскую дипломатию. В конце марта 1935 г. министр иностранных дел Дж. Саймон и министр без портфеля А. Иден прибыли в Берлин, где они попытались найти компромиссное решение проблемы – заключение воздушного пакта. Однако, заявление Гитлера о том, что германская авиация уже достигла равенства с Англией ошеломило британских политиков². Столь категоричное заявление Гитлера, не оставлявшее возможности для сближения с Польшей и зондировать позицию Советского государства. 29–30 марта 1935 г. А. Иден в сопровождении одного из высших чиновников британского МИДа У. Стрэнга посетил Москву. То был первый после 1917 г. визит британского министра в Советское государство, не принесший, как бы то ни было, сколько-нибудь положительного результата для англичан. Антверсальские филиппики И.В. Сталина, выраженное им стремление «жить с Германией в дружественных отношениях»³ не могли не взволновать британских дипломатов. В целом же визиты британских политиков в Германию, Польшу и Советский Союз взбудоражили английскую общественность. Сам А. Иден вынужден был признать, что «результаты берлинского визита являются большим разочарованием для британского общественного мнения»⁴. Не меньшую озабоченность и настороженность у англичан вызвали итоги московского визита А. Идена и У. Стрэнга. В этой ситуации среди британских политиков, особенно среди консерваторов и национал-лейбористов начинает зреть идея восстановления англо-французской Антанты, идея, которая находила одобрение и поддержку большинства политиков и парламентариев Франции, группировавшихся вокруг правительства П.-Э. Фландена и П. Лавала. Как отметил А. Иден, после определения внешнеполитического курса правительства «следующим шагом должны стать переговоры с французами... Время спешит вперед, и мы не должны потерять контроля над ситуацией, в создании которой приняли участие»⁵. А. Иден, поддерживавший идею тесного оборонного сотрудничества с Францией, считал, что французы согласятся на легализацию германских вооружений на предлагаемом уровне только после возвращения Германии в Лигу наций и при участии ее в региональном пакте безопасности в Восточной Европе.

Начатые в феврале 1935 г. и продолженные в апреле того же года англо-французские переговоры, к которым была привлечена и Италия как один из локарнских гарантов, были нацелены на укрепление англо-франко-итальянского ядра Локарнского договорного комплекса. Тот факт, что в апреле 1935 г. эти державы выступили с осуждением расторгновения нацистами военно-политических ограничений Версальского договора, говорит, что по пути консолидации сил западных держав был сделан определенный шаг.

Не менее важным шагом в плане укрепления ядра Локарнского договорного комплекса стало осознание необходимости подкрепления локарнских гарантий усилением и модернизацией английских и французских вооруженных сил. Уже весной 1935 г. кабинет Р. Макдональда и С. Болдуина открыто заявил, что «ввиду неустойчивости международной обстановки и гонки вооружений во всех странах мира нельзя дольше медлить с увеличением дополнительных расходов на оборону». Однако увеличение военных расходов, предложенное национальным правительством, было минимальным: всего около 11 млн. ф. ст., из которых только 4 млн. ф. ст. предназначалось для формирования боевых авиаэскадрилий, а значительная большая сумма – для «строительства казарм»⁶.

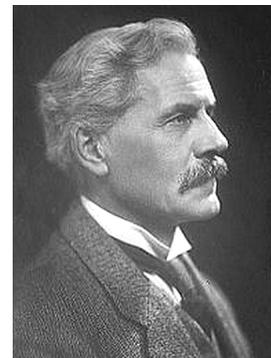
Увеличение военных расходов затрагивало интересы как налогоплательщиков британских островов, так и британских доминионов. Угроза войны и ее разрушительных последствий, угроза социальных тягот, связанных с вой-

Антони Иден (1897–1977)

Пьер Лаваль (1883–1945)

Джеймс Рамсей Макдональд (1866–1937)

¹ Борьба СССР за коллективную безопасность в Европе. 1933–1935 гг. Подборка документов // Международная жизнь. 1963. № 8. С. 187.

² Черчилль У. Вторая мировая война. М., 1990. Кн. I. Т. I. С. 66.

³ Документы внешней политики СССР (далее ДВП). Т. XVIII. М., 1973. С. 249.

⁴ Там же. С. 233.

⁵ См.: DBFP. 2nd ser. Vol. XII. N 222.

⁶ Эмери Л. Моя политическая жизнь. М., 1960. С. 385–386.

ной, оказывала морально-политическое давление на большинство британского населения, еще ясно помнившего опыт Великой, то есть Первой мировой войны. Перспектива включения Англии в гонку вооружений, в боевое состязание с немецким нацизмом и его потенциальными союзниками, прежде всего Японией, не встречала среди населения Великобритании и ее доминионов сколько-нибудь значимого энтузиазма. Наоборот, она активизировала в Англии пацифистские настроения, довольно сильно распространившиеся в первое послевоенное десятилетие.

В середине 1930-х гг. в Англии пацифизм имел довольно широкое распространение. В стране действовало свыше 65 пацифистских организаций¹. Британский, как и французский, пацифизм существовал в середине 1930-х гг. прежде всего в форме массового, прочно укоренившегося этического и международно-правового неприятия войн как средства государственной политики, что выражалось в стремлении исключить войны из международной жизни и внедрить ненасильственные методы решения международных проблем. В британском и французском пацифизме, несомненно, содержались элементы гуманного начала, выражавшиеся в стремлении защитить общечеловеческие ценности, в стремлении руководствоваться в международных и межгосударственных отношениях принципами разума и морали. «Основная масса английского народа жаждала мира», – отметил один из видных и авторитетных лейбористских лидеров Р. Милибенд².

В одном из своих выступлений осенью 1935 г. А. Иден говорил: «Мы все живем в эпоху, когда народы бьются стараться понять друг друга. Только через Лигу наций мы сможем надеяться создать новый порядок, при котором ни одна страна, даже на минуту, не подумает прибегнуть к войне как к инструменту национальной политики. Мы готовы на все времена сыграть свою роль в поддержании мира»³. В этих словах А. Идена, который после победы консерваторов на выборах был введен в правительство в качестве министра без портфеля (лорд – хранитель печати) и которому было специально поручено заниматься делами Лиги наций, была фактически сформулирована основа той внешнеполитической программы, которую консерваторы предложили избирателям и которая обеспечила им успех на выборах. В дальнейшем, ссылаясь при необходимости на настроения английской общественности, нашедшие свое выражение при проведении «плебисцита мира», британские консерваторы оправдывали этим свою политическую линию на «умиротворение».

Глава очередного британского кабинета Стэнли Болдуин не был новичком на политической сцене Великобритании. Выходец из семьи крупных промышленников, он занимал различные ключевые посты в правительствах Англии послевоенного периода: министр торговли (1921–1927), министр финансов (1922–1923), дважды, в 1923–1924 и 1924–1929 гг. был премьер-министром. С. Болдуин имел обширные деловые и личные связи, большой политический опыт, был хорошо знаком со всем механизмом управления делами Британской империи. Этот опыт он обобщил по-своему, выразив твердое убеждение в том, что «политику нельзя делать, а надо давать ей выработаться самой» и что «главный долг правительства состоит в том, чтобы оставаться у власти»⁴. Эта формулировка означала курс на политическое маневрирование, на своего рода приспособление к тем внешнеполитическим обстоятельствам, в которых приходилось действовать британскому консервативному кабинету.

Сформированный в июне 1935 г. С. Болдуином консервативный кабинет сразу оказался под давлением комитета начальников штабов, что вызвало крайнюю осторожность в его внешнеполитических шагах. Уже 19 августа 1935 г. премьер-министр получил меморандум комитета начальников штабов, в котором в очередной раз выражалась озабоченность состоянием британских вооруженных сил и рекомендовалось искать опору внешней политики в соглашениях с Францией, Италией и в деятельности Лиги наций. Практически подобный меморандум означал предложение ревизии всей британской концепции европейской политики, сложившейся после Первой мировой войны и рассматривавшей Германию как побежденную страну, нуждающуюся в поддержке Англии против Франции во имя сохранения «равновесия сил» на континенте. Теперь, по мысли авторов меморандума, Англия должна была перейти к активной поддержке Франции, которую они рассматривали как сильного потенциального союзника в Европе. Возраставшая германская угроза была столь очевидной, что не только военные, но и активные консервативные политики толкали Болдуина на изменение курса.

Особую активность проявляла группа Черчилля–Эмери, которая видела путь к укреплению имперских оборонных рубежей через укрепление европейского тыла Великобритании, настаивая на упрочении англо-французских оборонных связей путем коренной модификации Локарнского договорного комплекса, на практическом возрождении былой Антанты. Зная о широко распространенном пацифизме британского общества, зная о нежелании избирателей милитаризации британского бюджета, Черчилль и Эмери рассчитывали упрочить европейскую обороноспособность Англии обходным путем – путем подхлестывания французских вооружений. С осени 1935 г. У. Черчилль начал широкую кампанию в этом направлении. Он считал, что ведшаяся ускоренными темпами ремилитаризация Германии вызовет изменение соотношения сил в Европе, что требует от Англии и особенно от Франции принятия «мер предосторожности» – модернизации англо-французских вооружений, прежде всего авиации. А. Моруа, вспоминая о встречах с У. Черчиллем в лондонском салоне леди Лесли в конце 1935 г., рассказал о его настойчивых призывах к развитию и модернизации французского авиастроения. Стремясь поставить популярного публициста и писателя на службу выдвигаемым им задачам, У. Черчилль говорил А. Моруа: «В любой форме вы должны проводить мысль: французская авиация, которая еще недавно была лучшей в мире, отошла на 4 и даже 5 место. Германская авиация, которой прежде не существовало, становится лучшей в мире. Только об этом может идти речь, только в этом все дело»⁵. Подобные призывы У. Черчилль адресовал не одному А. Моруа, но в целом политическим и влиятельным парламентским кругам Французской республики. С лета 1935 г. возглавив созданный по его же инициа-

¹ 1939 год: Уроки истории. М., 1990. С. 399.

² Милибенд Р. Парламентский социализм. М., 1964. С. 328.

³ Трухановский В.Г. Антони Иден. М., 1983. С. 108.

⁴ Эмери Л. Указ. соч. С. 219.

⁵ Maurois A. Tragedie en France. New York, 1940. P. 10–11.

тиве специальный секретный комитет по проблемам военной обороны, У. Черчилль стремился начать его работу с укрепления французских позиций, прикрывавших Британские острова с Востока¹.

Своеобразной базой формирования основ внешнеполитического курса кабинета С. Болдуина стал италио-эфиопский военный конфликт, развязанный в начале октября 1935 г. Вторжение италофашистских войск в Эфиопию, бывшую одним из 54 членов Лиги наций, сразу привело в действие весь правовой механизм Лиги, а сама Лига наций стала центром международной борьбы. Созванная специальная ассамблея Лиги наций не только осудила агрессора, но и согласилась реализовать предусмотренные Уставом Лиги экономические санкции против Италии. Английская и французская делегации в Лиге наций активно выступали за принятие и реализацию санкций. Это быстрое сближение английской и французской позиций произвело немалое впечатление на Германию, буквально напугав Гитлера, считавшего антиитальянские санкции своего рода репетицией возможных антинацистских действий. В понимании Гитлера санкции означали возможность перехода западных держав к подавлению очагов агрессии, что создавало непреодолимую преграду на пути ближайших планов нацистов, нацеленных на ремилитаризацию Рейнской зоны и создания у франко-бельгийской границы военно-политического плацдарма. Поэтому немцы проявили немалую дипломатическую и политическую активность, стремясь оказать поддержку Италии, спасти ее от угрожавшей внешнеполитической изоляции. Однако, не будучи членом Лиги наций, Германия была лишена легальных и действенных средств нажима на западные державы. Немецкая активность ограничилась лишь дипломатическими демаршами и угрозами, одной из которых оказалась угроза крушения существовавшего режима и торжества в Италии «коммунизма».

Необходимо отметить, что дальнейшая политика английского и французского правительств диктовалась не только и даже не столько желанием содействовать Муссолини в обретении военной славы для итальянского фашизма. Основным движущим фактором выступала более реалистичная оценка возможностей экономических санкций. Английские и французские лидеры отдавали себе отчет в том, что эффективность экономических мер может сказаться лишь в случае введения «полного эмбарго на длительный срок, для чего необходима блокада»². При условии, что санкции не поддержал целый ряд государств, включая США, чей импорт нефти в Италию вырос почти в 3 раза за период конфликта (с 2,6 до 6,3 млн. долл. за период с ноября 1934 г. по май 1935 г.)³, «полное эмбарго» на все виды стратегического сырья и материалов было невозможно. Блокада же была актом войны, к которой народы, охваченные пацифистскими настроениями, как уже отмечалось, не были готовы.

Многие исследователи допускают мысль, что в этих условиях правительства С. Болдуина и П. Лавалья с целью успокоения общественного мнения своих стран «лишь делали вид, что поддерживают политику санкций, на самом же деле активно добиваясь достижения взаимопонимания с Италией»⁴. Как бы то ни было, расчет на то, что Б. Муссолини станет уступчивее с введением экономических санкций против Италии, не оправдался, «дуче» лишь ужесточил свою линию. Английские консерваторы, сопоставив все специфические вопросы, касавшиеся санкций, с докладами своего посла в Аддис-Абебе, свидетельствовавшего, что Эфиопия долго сопротивляться не сможет, развязав себе руки после ноябрьских выборов 1935 г., резко изменили курс внешней политики.

Беспокойство Германии и перспектива обострения франко-германских и англо-германских отношений заставили кабинет С. Болдуина и самого премьера искать пути к выходу из сложившейся военно-политической ситуации. При традиционной практике государственного управления, существовавшей у консервативной партии, решения вопросов внешней политики принимались узким кругом особо приближенных к премьер-министру членов кабинета. Подобная практика применялась при С. Болдуине и была усугублена при его преемнике – Н. Чемберлене, вызвав к жизни пресловутый «внутренний кабинет». Консерваторы, проводя предвыборную кампанию под гром итальянских орудий в Абиссинии, столкнулись с трудной проблемой. С одной стороны, как уже говорилось, настроения английской общественности заставляли их действовать в рамках Лиги наций и предпринять меры по прекращению итальянской агрессии. С другой стороны, перспектива складывания «оси» Рим – Берлин означала консолидацию диктаторских режимов в Европе, значительное сужение возможного маневра для английской внешней политики. Осознание неподготовленности Англии к войне и крайняя непопулярность каких-либо военных мероприятий также заставляла правящие круги консервативной партии двигаться в определенном направлении. В этих условиях С. Болдуин счел возможным присоединиться к французской внешнеполитической линии, проводимой П. Лавалем, ставшим в январе 1935 г. премьер-министром Третьей республики, совместив этот пост с занимаемым ранее постом министра иностранных дел.

Пьер Лаваль (1883–1945), начавший свою карьеру в качестве «адвоката профсоюзов», в период пика своей политической активности утратил былые левые симпатии. Этот политик, бывший, по оценке английского посла в Париже Дж. Кларка, «по своей сути мастером переговоров, человеком компромиссов», всю жизнь в силу своего происхождения и социального положения оставался представителем «малой Франции», то есть французского крестьянства. Как отмечал Генеральный секретарь французского МИД А. Леже, эта связь вылилась у него, в «глубоко укоренившуюся любовь к миру... страсть, не покидавшую его, подобно тому, как инстинкты никогда не покидают животное»⁵. П. Лаваль стремился обеспечить мир для Франции путем прямого соглашения с Германией либо – в случае провала этих попыток – с Италией. Это стремление П. Лавалья было известно английскому руководству и вызвало у него серьезную озабоченность, перераставшую в недоверие и подозрительность по отношению к нему лично⁶. Тем не менее, эта линия, представлявшая собой «узкий вариант умиротворения» – удовлетворение колониальных притязаний Италии – казалась приемлемой для английской дипломатии. При этом преследовалась цель ото-

¹ См.: Трухановский В.Г. У. Черчилль. Политическая биография. М., 1977. С. 250.

² Bartholin P. Les consequences economiques des sanctions. Paris, 1960. P. 265.

³ Ibid. P. 66.

⁴ При этом указывают различные причины такой позиции См.: Сиполс В.Я. Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны. М., 1989. С. 95–99; Nere J. The Foreign Policy of France, 1914–1945. L., 1975. P. 180.

⁵ Young R.J. In Command of France. French Foreign Policy and Military Planning, 1933–1940. London: Harvard Univ. Press, 1978. P. 98.

⁶ См.: Young R.J. Op. cit. P. 99; ДВП. Т. XVIII. N 46. С. 85.

рвать фашистскую Италию от Германии, улучшить франко-итальянские отношения, в чем особенно были заинтересованы французы, и, в конечном счете, включить Италию в сферу английского дипломатического влияния в Европе. Считалось, что этот «узкий» вариант был и более прост в достижении, поскольку итальянский «дуче» Б. Муссолини показал свою готовность к подобного рода сотрудничеству, приняв участие в конференции в Стресе в апреле 1935 г. и присоединившись к осуждению Германии, разорвавшей ограничительные статьи Версальского договора. В обмен на это итальянский диктатор получил от П. Лавалья обещание свободы рук в Эфиопии во время визита французского премьер-министра в Рим в январе 1935 г. Обещая одновременно решить вопрос о статусе итальянских переселенцев во французском Тунисе, П. Лаваль наметил таким образом улучшение франко-итальянских отношений, еще с 1881 г. отравленных колониальными противоречиями. Со своей стороны англичане также сделали определенный аванс итальянцам. По рекомендации Р. Ванситтарта «абиссинская проблема» была затронута лишь в неофициальной части конференции в Стресе, при этом первый секретарь английского МИД Х. Томпсон ограничился предупреждением главы африканского департамента итальянского МИД Гарнашелли о том, что «Италия не может надеяться на сотрудничество с Соединенным королевством в случае атаки против Эфиопии»¹.

Территория Эфиопии по «плану Хора-Лавалья»

Теперь же настроение английской дипломатии было выражено Х. Томпсоном следующим образом: «Я вполне готов признать, что вторжение итальянцев в Эфиопию достойно суровой критики. Симпатии общественности могут быть на стороне абиссинцев. Но в смысле большой политики для нас крайне важно избежать ухудшения отношений с итальянцами из-за границ Эфиопии»². «Узкий вариант умиротворения» был одобрен руководством английских консерваторов, усмотревших в этом удачное для Англии приспособление к быстроизменяющейся международной ситуации. Министр иностранных дел С. Хор, прикрываясь поездкой в отпуск, в швейцарские Альпы, в начале декабря 1935 г. посетил Париж, где провел интенсивные переговоры с французским премьер-министром П. Лавалем. В переговорах (при помощи прямой телефонной связи Париж-Рим) принял участие и итальянский «дуче» Б. Муссолини. Плодом этих переговоров стал разработанный 6–8 декабря 1935 г. план ликвидации итало-эфиопского кризиса, получивший одобрение Хора, Лавалья и Муссолини. В исторической литературе это соглашение часто именуют «планом Хора-Лавалья». В его разработке принял самое активное участие Р. Ванситтарт и глава специально созданного в августе абиссинского департамента английского МИД М. Петерсон, проводившие всю подготовительную работу, включая предварительные переговоры с французами и итальянцами и сопровождавшие С. Хора в Париж. Сущность плана состояла в том, чтобы погасить военный конфликт методом кардинальных уступок итальянскому фашизму за счет интересов Эфиопии, от которой требовалось согласиться на передачу большей части так называемых неамхарских территорий под мандат Италии и не оспаривать территорий, находящихся в прямом итальянском владении с 1896 г., в обмен на узкий коридор к морю через территорию итальянского Сомали³.

Предполагалось, что ориентировавшийся на Англию император Эфиопии Хайле Селассие I, бежавший вскоре в Иерусалим, примет основы этого плана, после чего его предполагалось внести на одобрение специальной комиссии Лиги наций, а затем и ее Ассамблеи. В этом виде предполагавшийся план урегулирования итало-эфиопского конфликта был одобрен С. Болдуином, а также Н. Чемберленом и А. Иденом, с которыми С. Хор советовался перед своим отбытием из Лондона. Английская дипломатия нацеливалась прежде всего на то, чтобы предупредить возможное ослабление Лиги наций. По ее мнению, Италия, в случае реализации санкций, могла последовать примеру Германии и покинуть Лигу.

Как уже отмечалось, сохранение и укрепление авторитета Лиги наций, по мысли консервативных лидеров Англии, было необходимо для реализации ее политики в Европе⁴, в частности для оказания воздействия на Францию и СССР, которые могли бы, используя заключенный ими в мае 1935 г. договор о взаимопомощи, идти вразрез с английским внешнеполитическим курсом. Необходимо отметить, что позиция Советского Союза по отношению к англо-французским попыткам погасить итало-эфиопский кризис, не испортив отношений с Италией и не скомпрометировав Лигу наций, была более гибкой и прагматичной, нежели это изображалось в нашей отечественной историографии до недавнего времени. Как явствует из инструкций наркома иностранных дел СССР М.М. Литвинова советской делегации в Женеве⁵, из его выступлений на заседаниях Совета Лиги наций⁶, а также из других документов, широко доступных сегодня⁷, советская сторона готова была принять подобный план урегулирования конфликта при условии проведения его через механизм Лиги наций.

П. Лаваль оказался сговорчивым партнером в деле разработки и принятия англо-франко-итальянского плана, действуя при этом как типичный представитель «малой Франции», не учитывавший интересов «большой Фран-

ции», не учитывавший интересов «большой Фран-

¹ DBFP. 2nd ser. Vol. XIV. N 230. P. 221. Отчет о конференции в Стресе см.: DBFP. 2nd ser. V. XII. N 702. P. 862–914.

² Ibid. Vol. XIV. N 41. Note 2. P. 51.

³ Отчет о переговорах С. Хора и П. Лавалья в Париже см.: DBFP. 2nd ser. Vol. XV. N 330, 336–338.

⁴ ДВП. Т. XVIII. N 327. С. 457–458; N 440. С. 585.

⁵ Там же. N 372. С. 523; N 447. С. 591; N 448. С. 591–592.

⁶ Там же. N 357. С. 494.

⁷ Там же. N 384. С. 533; N 400. С. 549; N 452. С. 598.

ции» – Французской империи. Между тем война в районе Африканского рога и Красного моря несла в себе угрозу как французским, так и английским коммуникациям с Индокитаем и Дальним Востоком, что не могло не учитывать французское министерство иностранных дел. Генеральный секретарь МИД Франции Алекси Леже, будучи типичным представителем французских колониальных кругов и смотревший на формирование французской внешней политики, по словам Ш. Альфана, «сквозь призму азиатских забот», не мог поддержать действия П. Лавалья. Он, несомненно, использовал информационные каналы французского МИДа и провел своеобразное дезавуирование действий премьер-министра. 9 декабря только что разработанный в секретном порядке «план Хора–Лавалья» стал достоянием гласности: он был опубликован на страницах французской печати. Информация газет была столь обширна и точна, что сопровождалась картами раздела Эфиопии, страны – члена Лиги наций.

Эффект оказался потрясающим, реакция общественного мнения на обоих берегах Ла-Манша была резко отрицательной. Для членов английского правительства эти сообщения не были, конечно же, такой уж неожиданностью, как это изображают некоторые исследователи¹. Неожиданно сильной оказалась лишь реакция общественности. В английском парламенте начались нападки оппозиции на правительство: парламентарии были возмущены действиями министра-тори. С. Болдуин сразу увидел угрозу для своего кабинета. Руководствуясь своим неизменным принципом о первостепенном значении сохранения правительственной власти, британский премьер не считал возможным защищать достигнутое соглашение Хора–Лавалья, несмотря на то, что оно было поддержано кабинетом на заседаниях 9, 10 и 11 декабря 1935 г.². На заседании правительства утром 18 декабря 1935 г. С. Болдуин заявил, что «главное всего моральная позиция правительства перед лицом мировой общественности», образно сравнив при этом премьер-министра с якорем, удерживающим корабль нации от гибели³. К моменту возвращения С. Хора в Лондон С. Болдуин публично провозгласил соглашение «абсолютно мертвым»⁴ и, спасая положение, отправил в отставку министра иностранных дел, используя в качестве формального предлога произошедший с ним в эти дни несчастный случай. Упрощение, часто практиковавшееся С. Болдуином, который весьма ценил «фронт Стрезы», не сработало, столкнувшись с негодованием мирового общественного мнения и имперскими интересами Англии и Франции. Вовлечение фашистской Италии в орбиту англо-французской дипломатии оказалось нелегким делом. Б. Муссолини не удовлетворялся предоставившимися ему обещаниями, он требовал конкретных уступок, не остановившись перед развязыванием войны. Нацистская Германия тотчас же активизировалась. Гитлер поддержал притязания Муссолини, используя ослабление единого фронта западных держав и пытаясь выбить Италию как один из основных столпов Локарнского договорного комплекса. Таким образом, опять на первый план выходили проблемы взаимоотношений с Германией, решить которые обходным путем не удалось.

ЛИТЕРАТУРА

1. 1939 год. Уроки истории. М., 1990.
2. Борьба СССР за коллективную безопасность в Европе. 1933–1935 гг. Подборка документов // Международная жизнь. 1963. № 8.
3. Документы внешней политики СССР (ДВП). Т. XVIII. М., 1973.
4. Майский И.М. Воспоминания советского посла. М., 1964. Кн. 2.
5. Милибэнд Р. Парламентский социализм. М., 1964.
6. Сиполс В.Я. Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны. М., 1989.
7. Трухановский В.Г. Антони Иден. М., 1983.
8. Трухановский В.Г. У. Черчилль. Политическая биография. М., 1977.
9. Черчилль У. Вторая мировая война. М., 1990. Кн. I. Т. 1. С. 66.
10. Эмери Л. Моя политическая жизнь. М., 1960.
11. Bartholin P. Les consequences economiques des sanctions. Paris, 1960.
12. Cowling M. The Impact of Hitler. Cambridge Univ. Press, 1975.
13. DBFP. 2nd ser. Vol. XII. N 359, 222, 702; Vol. XIV. N 41, 230; Vol. XV. N 330, 336–338.
14. House of Commons Debates. 5th ser. Vol. 307. Cols. 2030–2039. 19 December 1935.
15. Maurois A. Tragedie en France. New York, 1940.
16. Nere J. The Foreign Policy of France, 1914–1945. L., 1975.
17. Peters A.R. Anthony Eden at the Foreign Office 1931–1938. N.-Y., 1986.
18. The Times (London). 20 November 1935.
19. Young R.J. In Command of France. French Foreign Policy and Military Planning, 1933–1940. London: Harvard Univ. Press, 1978.

¹ Cowling M. The Impact of Hitler. Cambridge Univ. Press, 1975. P. 98.

² См.: Ibid. P. 98–100.

³ Ibid. P. 99.

⁴ House of Commons Debates. 5th ser. Vol. 307. Cols. 2030–2039. 19 December 1935.

«Англия и Франция пожурили дуче за политику в Африке». Английская карикатура 1935 г.

Демонстрация против итальянской агрессии в Эфиопии. Лондон, 1935. Фото с сайта <http://historya.ru/book/ww2/59.php>